

ИСТОКИ ПРАВСТВЕННОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В религиозной этике высший авторитет нравственного законодательства принадлежит Богу. Поэтому без органического единства веры и нравственности не может быть гармонии в межличностных отношениях. Нередко философская мысль, особенно в эпоху Ренессанса, пыталась изменить взгляд на источник нравственного законодательства. Авторство его приписывалось либо обществу, либо сверхчеловеку. Здесь философы столкнулись с вопросом качества природы человека. Так, безрелигиозный гуманизм утверждает, что нравственность определяется природой и согласно этому человек, будучи добр по природе, является автором и законодателем в области этических норм. Но практика показала, что «добрый человек», его желание к удовлетворению своих низших потребностей, жажда власти, безграничной свободы стихийного начала, обнаружил в себе демонические силы, приводящие к разрушению и истреблению. Этот факт поставил в тупик безрелигиозный гуманизм.

Продолжением безрелигиозного гуманизма стал коллективный и индивидуалистический марксизм. Автором первого был Ж.Ж. Руссо, отождествивший волю общества с общеобязательной волей к добру. Окончательно это учение завершил К. Маркс. Согласно философии Маркса, достижение земного блаженства может быть осуществлено через коллектив и его мораль. Коллектив имеет все атрибуты земного божества и непогрешимого источника этического учения. Крах

этой философии мы наблюдаем на примере Советского государства, в котором частично была воплощена теория Маркса. В результате этого эксперимента современная Россия превосходит большинство стран по росту уровня преступности и количеству разводов.

Другое ответвление гуманизма — индивидуальный морализм. Главным его идеологом был Ф.В. Ницше. Он утверждал, что человек является несовершенным, уродливым существом. Его становление и достижение божественности не нуждаются в какой-либо поддержке со стороны, а заключаются в преодолении своей человечности. Этот совершенный человек будет абсолютно новым существом, в котором не останется и следа от естественного нравственного сознания. Он, согласно Ницше, будет как деспот, тиран, зверь. В нем отсутствует духовное начало, а доминирует животное. Частичное осуществление этой философии состоялось в фашистской Германии, где Гитлер явился идеологом нацистской морали, приведшей к зверским убийствам, кровавым войнам и уничтожению целых народов.

Таким образом, все попытки найти источник морали вне Божественного Откровения привели к катастрофическим последствиям, угрожающим уничтожением человечества. Любой другой источник этики не может установить гармонического сосуществования людей, кроме Самого Творца и Создателя. Как говорит русский религиозный философ С.Л. Франк: «То, что делает человека человеком, — начало человечности в человеке — есть его Богочеловечность»¹. Пагубное влияние атеизма на нравственное поведение отмечает и Ф.М. Достоевский. Его знаменитое выражение: «Если Бога нет, то все позволено»² — стало пророческим и подтверждалось в дальнейшей истории человечества.

¹ Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997. С. 321.

² Цит. по: Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 1998. Т. 3. С. 488.

Но сам факт веры в существование Бога не является гарантией четкого исполнения этических норм межличностного общения. Большое влияние на их характер оказывает догматическое учение о Боге и Его отношении к миру и человеку. Оно регулирует межличностные отношения с Богом и человеком. Рассмотрим это на примере античной и ветхозаветной религии.

В античном сознании между Богом и человеком нет такой пропасти, как в ветхозаветной религии. Люди сознают свое сродство с богами. Разница заключается лишь в недостижимом величии и могуществе богов на фоне ограниченных способностей самих людей, а также в смертности людей и бессмертности богов. В языческих мифах существуют даже герои, или полубоги, рожденные в результате физического совокупления богов и людей. Тогда религиозные взаимоотношения имели потребительский характер. Человек получает от высших сил все необходимое для жизни, а боги взамен услаждались человеческими жертвоприношениями. Самих богов раздражают страсти. Они ревнуют, завидуют, вступают в беспорядочные связи, и поэтому в их среде нет мира и идет постоянная война. Они совершенно не заботятся о благе человека, напротив, боятся его как претендента на господство в мире. Такой характер межличностных отношений привел человека в отчаяние и сознание своего безвыходного положения. Жизнь людей была лишена высшего смысла существования. Гомер пишет: «Нет ничего злосчастного, чем человек, — из всего, что дышит и ползает на земле»³. Такое поведение богов не могло не повлиять на отношения между людьми, поскольку каждый человек старался подражать им. В их общении отсутствовала жалость и сострадание. «В пределах языческого мировоззрения, — говорит С.С. Аверинцев, — жалость явно бессмысленна: о ком и о чем стоит так сокрушенно убиваться, как, гласит мудрость Гераклита: путь вверх и путь вниз один и тот же»⁴.

³ Цит. по: Франк С.Л. Указ. соч. С. 327.

⁴ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 69.

Если жалость и сострадание презираются, то в большом почете находится подражание богам в Олимпийских играх. В отличие от христианства, где плач — это выраженное состояние сострадания, в античной философии отдается предпочтение смеху как атрибуту божественной жизни. Смех присущ богам больше, чем слезы. Плач — это проявление несвободы, а смех, напротив, принадлежит свободной личности. Аверинцев пишет: «Люди уподобляются богам через смех — или, когда для смеха не остается места, через другой акт свободы: через самоубийство»⁵. Столь низкий уровень этической морали привел эллинов к соответствующему уровню общения. Окружающие люди — это средства достижения славы, которые созерцают геройские поступки атлетов. Любая жалость стала достойна презрения. Обожествление страстей и пороков привело к подавлению в человеке нравственного сознания, заложенного Богом. В созданной человеком религии и этический закон являлся продуктом его ума. Он лишен высшего смысла и высшего идеала. Исключением лишь может послужить философия некоторых древнегреческих мудрецов, углубившихся в самопознание. Они сумели разглядеть в себе естественный нравственный закон, который вступал в противоречие с языческой религиозной этикой. «Для человека, — говорит Сократ, — лучше пострадать от несправедливости, чем самому совершить ее»⁶.

Тем не менее языческая религия не могла объяснить происхождение внутреннего нравственного закона, да и сами боги не выполняли его требования. Поэтому в языческом сознании наблюдается несколько видов конфликта: внутриличностный — как следствие борьбы между требованиями внутреннего нравственного закона и религиозным мировоззрением — и межличностный, из-за обожествления таких страстей, как слава,

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Цит. по: Гильдебранд Д. Этика. СПб., 2001. С. 222.

гордость, сластолюбие, изначально предполагающих соперничество и борьбу. Отказавшись от поисков истинного Бога и осуетившись страстями, люди не могли приблизиться к гармоничным межличностным отношениям (см.: Рим. 1, 21–24).

Ветхозаветная религия коренным образом отличалась от языческой. Во-первых, в учении о Боге. Ветхозаветный Бог свят, справедлив, строг ко грешникам и милостив к праведникам, и Он требует таких же качеств от людей. В отличие от языческих богов, библейский Бог промышляет обо всем мире и о каждом человеке в отдельности. Судьба народа напрямую зависит от его причастности к истинной религии, истинному богочитанию. Исполнение заповедей Божиих является залогом праведности. Межличностное общение регулировалось Декалогом. Первая из его заповедей — любовь к Богу — не была воспринята в полноте, так как было непонятно, как можно любить Бога, который находится за пределами познания. В отношениях Бога и человека в последнем преобладал страх перед наказанием как его самого, так и всех дальнейших потомков. «Богодуховенный законодатель Израиля возвещал ему страшные казни, — говорит святитель Игнатий, — если он преслушается Бога»⁷. Человек сознавал себя ничтожным перед могуществом Божества. Страх наказания — это главная движущая сила в исполнении этических норм.

Такое примитивное представление о Боге в ветхозаветный период было смягчено позднейшими пророками. Появляется аналогия отношений Бога и человека как матери и ребенка. Поэтому подчинение Его воле стало восприниматься не как стихийный страх, а как «внутреннее убедительное для человеческой души отталкивание от зла и вольное подчинение чарующей и привлекающей силе святости»⁸. Чувство страха сменилось смирением и сознанием своей неспособности в осуществлении тех этических идеалов, которые установил

⁷ Игнатий (Брянчанинов), еп. Творения. Т. 4. М., 1996. С. 210.

⁸ Франк С.Л. Там же. С. 325.

Бог. Человек осознал ненормальность своей природы на фоне святости предписываемого закона. Таким образом, сознание ветхозаветного религиозного человека было подготовлено к принятию Мессии. Но высшее представление о грядущем Мессии было не у всех верующих иудеев. Большинство видело в Мессии царя, способного осуществить земное благополучие еврейского народа и их господство над язычниками. Что касается отношений с последними, то евреи с презрением смотрели на них. Это было следствием непонимания тех оградительных мер, благодаря которым Господь сохранял истинную религию. Еврею запрещалось общаться с язычником не потому, что Бог презирал иноверных, а для того, чтобы в общении с ними жестоковыйный Израиль не поддавался языческому влиянию и тем самым не была бы выполнена миссия еврейского народа. Бог промышлял и любил всех людей, как евреев, так и язычников. Это мы видим из библейской истории, где царь Давид был наказан за соблазнение жены Урия Хаттеянина и создание условий для его убийства.

Подводя итоги языческому и ветхозаветному восприятию Бога как основы их этики межличностного общения, необходимо сказать следующее: в языческой среде существовал естественный нравственный закон, заложенный Богом, о котором говорит апостол Павел: *Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах* (Рим. 2, 14–15). Этот закон и регулировал межличностное общение. Но внутреннему закону препятствовала языческая религия, отождествлявшая человеческие страсти с божественным поведением. Несмотря на это, в языческом обществе были люди, которые жили согласно требованиям нравственного закона и достигали определенной нравственной высоты.

Ветхозаветная религия превосходила в нравственном учении языческую. Богооткровенный закон гармонично существовал с внутренним нравственным законом, заложенным

Богом. Весь смысл существования ветхозаветного закона можно свести к двум положениям. Во-первых, он служил ограничительными мерами, помогающими сохранить положительные отношения. Во-вторых, он помогал осознать человеку свою греховность. «Закон указывает, — говорит Б. Выщеславцев, — что есть грех, и запрещает грех, но он бессилен бороться с грехом»⁹. Все нормы, регулирующие межличностное общение в Ветхом Завете, способствовали обнаружению падшей природы человека. Исполнение закона большинством иудеев имело в своей основе корыстные цели, что свидетельствует о несовершенстве межличностной любви. Закон имел также и подготовительные функции к пришествию Мессии, Который должен возвестить идеальное этическое учение.

Новый Завет ознаменовался в первую очередь фактом, не имеющим аналогов ни в одной другой религии, — в мир пришел Сам Бог. Причина Его прихода имела своей целью возратить утраченное человеком общение, и первый шаг навстречу друг другу делает Бог. Он открывает людям одно из Своих свойств — любовь. Апостол Иоанн Богослов говорит: *Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Любовь Бога к людям имеет совершенно новое качество — жертвенность. *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). И пример такой высокой любви показал Сам Бог: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16).

Другим отличительным свойством новозаветной любви является смирение. Любовь и гордость несовместимы в христианских межличностных отношениях. И поэтому Бог не принуждает человека с помощью страха и силы любить Его. Он смиренно ждет от нас свободного ответа на Свою любовь. *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит глас Мой и отворит*

⁹ Выщеславцев Б. Этика преображенного эроса. Париж, б/г. С. 46.

дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною (Откр. 3, 20). Принимая такое отношение к себе со стороны Бога, человек осознал свое достоинство и высоту Божественной любви. Любовь Бога к каждому человеку является примером для любви между людьми. Еще в Ветхом Завете мы видим особую связь первых двух заповедей. Но эта связь особенно подчеркивается в Новом Завете. Апостол Иоанн Богослов пишет: *Кто говорит: «Я люблю Бога; а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит* (1 Ин. 4, 20). Таким образом, в Новом Завете мы видим подтверждение того, что межличностное отношение с Богом имеет непосредственное влияние на общение с ближним.

Господь наш Иисус Христос Своим учением возвещает миру любовь совершенно нового качества. Осуществление этой новой формы любви требует полного перерождения. Спаситель говорит: *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5). Внутреннее изменение тесно связано с новозаветным учением о грехе. Грех, в отличие от ветхозаветного понимания, заключается не только в недолжных поступках, но и в неправильных мыслях. *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Грех, являющийся причиной межличностных конфликтов, глубоко коренится в природе человека. И Христос, усиливая этическое учение и доводя его до полного совершенства, указывает на наступление того времени, когда человек сможет его выполнить. И эти благоприятные времена пришли в мир именно со Христом. Ни в античный, ни в ветхозаветный период человек не мог осуществить в своей жизни столь высокого этического идеала.

В основе новозаветного совершенства лежит тесное взаимодействие со Христом. *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе:*

так и вы, если не будете во Мне... без Меня не можете делать ничего (Ин. 15, 4–5). Святость, приобретенная через Христа, является основным условием для гармоничного межличностного общения. Это прекрасно раскрывает Иоанн Богослов: *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем... Если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом* (1 Ин. 1, 5–7).

Таким образом, совершенствуясь, человек вступает в полноценное общение с Богом и ближним. Более того, гармоничное общение с Богом и другими людьми является залогом, по новозаветному учению, нашей вечной жизни в Царствии Божием, Царствии любви и мира, а не ненависти и раздора. Поэтому и важно приобрести человеку свойства Бога: любовь, милосердие, святость, благодаря которым он входит в вечность.

Любовь является формой общения между Лицами Святой Троицы, и к присоединению в этой любви Христос призывает всех людей. В Своей Первосвященнической молитве Спаситель просит: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21). Тема единства в любви — это центральная тема благовествования Христа. Именно ради воссоединения с Богом и примирения всех людей, не только иудеев, но и язычников, Спаситель пришел в мир, пострадал и воскрес. Христианство возвещает не только совершенное этическое учение, но и окончательное.

Подводя итоги различных взглядов на формирование этического учения, необходимо сказать: во-первых, безрелигиозный гуманизм, пытавшийся найти истоки нравственного учения вне Божественного Законодательства, был обречен. Причиной этого была неспособность поврежденной грехом природы человека выработать и достичь высокого идеала. Все попытки осуществления на практике вне религиозной этики закончились неудачей.

То же самое мы можем сказать и о религиозно-философской этике Античности, где созданная человеком религия не могла привести в гармонию внутреннее нравственное сознание и религиозные нормы.

Что касается Ветхого Завета, то он был подготовительным этапом к Новому. В этот период было важно осознать человеку свою греховность и необходимость пришествия Спасителя.

Новый Завет открыл совершенное и окончательное учение о пути человека к достижению этических высот. Согласно ему, гармоничное общение с Богом и своим близким становится целью существования. Достигается это путем сотрудничества Бога и человека в деле преодоления своей греховности (см.: 1 Кор. 3, 9). Новозаветная религия — это религия свободы. Свободы выбора в принятии и непринятии Божественной любви. Христианство предлагает самое высокое догматическое и, как его следствие, нравственное учение, которое дает преимущество, по сравнению с другими этическими системами, для достижения самого тесного и гармоничного общения.

Таким образом, отвергнув безрелигиозный гуманизм как положительный источник нравственного законодательства и убедившись в огромном влиянии догматического учения на характер межличностных взаимоотношений, мы становимся перед новой проблемой. Почему люди, принадлежащие к одному религиозному мировоззрению, расходятся по уровню нравственной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо познакомиться с такими понятиями, как глубина веры, связь веры и добрых дел. Признание своей принадлежности к религии — это только первая ступень на пути к нравственному совершенству. Очень часто бывает так, что человек становится членом Церкви из-за культурной или семейной традиции. Но встречу с Богом, Его переживание, человек испытывает в разные периоды своей жизни. И только эта встреча может привести к внутреннему духовному перерождению.

Переживание Бога происходит не где-то во вне и для этого нет необходимости внешних изменений, а наоборот, человеку надлежит удалиться в самую потаенную комнату своей души, так как Бог — это глубочайшая основа нашего бытия.

Напротив, поверхностной вере не присуще цельное восприятие Бога, потому что она ориентируется на внешние потребности человека. Особенно это отражается на молитвенных прошениях к Богу. Для потребительского религиозного чувства свойственны просьбы материального характера — земного благополучия и телесного здоровья. Для более глубокой веры молитва — это нечто большее. Она льется из глубины души, чистого и искреннего сердца. В ней больше просьб, больше славословия и восхищения.

Кроме определения глубины веры по характеру молитвы, что открывается не каждому человеку, так как это интимная область души, ее сила отражается в нравственных поступках. *Что вы зовете Меня: Господи! Господи! — и не делаете того, что Я говорю?* (Лк. 6, 46).

В своих посланиях апостолы уделяют большое значение глубине веры и ее связи с добрыми делами. Апостол Иаков, приводя пример принесения Авраамом в жертву Исаака, говорит: *Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства* (Иак. 2, 22). Похожее место мы находим у апостола Павла в Послании к Евреям, где он указывает на глубину веры Авеля, Еноха, Ноя, Авраама, Сарры, Исаака, Иакова, Моисея, то есть всех ветхозаветных праведников, которая лежала в основе их добрых дел (см.: Евр. 11). А святитель Игнатий отмечает, что «верою вступили святые в любовь к врагам»¹⁰.

Православие не признает протестантского учения о спасении только верой. Апостол Иаков говорит: *Ибо, как тело*

¹⁰ Игнатий (Брянчанинов), еп. Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 178.

без духа мертво, так и вера без дел мертва (Иак. 2, 26). Вера в существование Бога и жизнь согласно этой вере имеет отличительный признак — наличие любви. Без любви и бесы *веруют, и трепещут* (Иак. 2, 19). Вера — это не просто сумма знаний о Боге, а ценностный ответ, выраженный в нравственной жизни. Сила веры заключается в бескорыстной любви, которая исключает поверхностную мотивацию. «Человек с цельной верой, — говорит философ И.А. Ильин, — совершает свои дела не для того, чтобы оправдаться или спастись, а потому, что он не может иначе: он творит закон своего боголюбиваго сердца и своей совести»¹¹.

Бог есть абсолютное Добро и единственный Источник добра. Именно это открывается каждому человеку в его личном акте богопознания, его внутреннем опыте. Не поверхностное знание, из каких-то источников, а его внутреннее переживание полагается в основу его нравственных поступков. Поэтому любовь к Богу, заложенная в глубинах нашей души, является основой христианской этики межличностного общения. Без любви, сопряженной с делами, вера мертва, как мертво и учение о нравственности. Профессор П.Д. Юркевич говорит: «Для живой — а не только представляемой нравственности требуется светильник и елей (Мф. 25, 1–10). По мере того как в сердце иссякнет елей любви, светильник гаснет: нравственные начала и идеи потемняются и, наконец, исчезают из сознания»¹².

В заключение, подводя итоги значению веры в нравственной жизни, можно сказать следующее. Становление веры можно разделить на два этапа:

- приобретение знания о Боге;
- деятельный ответ любви на его существование.

¹¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 300.

¹² Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. С. 101.

Важным считается и то и другое. Первый этап дает преимущество перед античным и ветхозаветным восприятием, так как он помогает правильно встать на путь второго этапа, который заключается в деятельной любви. Первый не гарантирует нравственной жизни человека. Для нравственного совершенства необходима жизнь второго уровня, основанного на свободном ответе реальности Божественного бытия. Второй уровень и является залогом гармонии межличностных отношений.

РУССКИЕ СВЯТЫЕ О ПАСТЫРСКОМ СЛУЖЕНИИ

Введение

Целью данной работы является рассмотрение учений и мнений пастырей, просиявших в лике святых, по вопросу пастырства, а именно сущности, высоте и ответственности пастырского служения. Поскольку наименование темы предполагает работу с источниками, то можно отметить, что через это можно непосредственно прикоснуться к многовековому пастырскому опыту и сопоставить условия и возможности пастырей прежних эпох с эпохой современности.

Важно отметить, что русское пастырство несколько отличается из прочих, однако работа с сочинениями русских отцов предоставляет немалый интерес, поскольку указывает и на проблемы духовенства в разные эпохи, и на несовершенство людей, живших в то время.

Каждому верующему русскому человеку, вероятно, не безразлична эта тема. Причем данный вопрос сохраняет свою актуальность и сегодня. Выбранная тема была близка по смыслу и по национальной составляющей, что представляет определенный интерес, потому выбор пал на нее.

Структура работы такова, что вначале дается краткое вступление, посвященное христианской жизни. Разбор же самих трудов о пастырстве представлен в хронологической последовательности. Это дало возможность удостовериться в незыблемости мнений о высоте и святости пастырского служения — в трудах и ранних отцов (XI–XII вв.), и почти уже